

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЕРЕБРА В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА

Вопрос об употреблении европейского художественного серебра может занять свое место как частный случай среди проблем взаимодействия русской культуры XV-XVI вв. с инокультурой. Хотя рассматривается явление как бы исключительно из сферы материальной, подразумевается, однако, и связь его с культурой духовной, потому что имеются в виду обязанные этому явлению расширение знаний о жизни и обычаях других народов, определенный обмен информацией, заключенной в самих предметах, развитие новых понятий и художественных вкусов. Известно ведь, что духовные ценности существуют в том или ином материализованном виде.

Русь не отгораживалась от знаний и опыта зарубежных стран; напротив, в затронутой нами области проявлялся ею давний и постоянный, все ширившийся интерес. Издавна на Руси серебро и золото накапливались в княжеской, а позднее в царской сокровищницах. Среди хранимых и передаваемых по наследству драгоценных предметов духовные и договорные грамоты русских князей XIV-XVI вв. и «Описи домашнему имуществу» царей XVI в. нередко называют вещи иностранного европейского происхождения, помечая их определением «фрязский»¹ или «немецкий»².

Интерес к иноземным драгоценностям, украшениям - «узорочным товарам» - четко отражают также, с одной стороны, указы о приобретениях послам и торговым людям, отъезжающим за рубеж, с другой, - «росписи товарам», привозимым в Россию иностранными гостями. Например - «Роспись аглицких гостей: Фрянчика Иванова Череля, Ивана Ульянова товарища, что исвезли Г.Ц.И.В. князя Бориса Федоровича... к государю к Москве 106 /1598/ г., мая 25 д/ень/ в Архангельске (с товары от королевы Елизаветы гости): 9345 золотых, 6 камней изумруду, 60 камней изумруду поменьше тех, 2 запоны с камнем, одна с камнем - по аглински-агат, 2 пуговицы золотых с камнем, перстень золот, а в нем камень изумруд, 14 стоп серебряных позолоченых, 100 зерныт жемчужных, 5 камней изумруду, запона золота, а в ней камень, а на камени вырезана образина королевны. А писана сия роспись по сказке Фрянчика Иванова Череля, а инога он товару с собой не сказал ничего»³.

Интерес московского правительства к драгоценностям учитывался иностранной дипломатией. Об этом, например, с большой непосредственностью свидетельствует эпизод, приведенный исследователем В.А.Кордтом: «Ян де Балле (Белобород) сумел снискать себе благосклонность даже самого царя, снабжая его казну ценными товарами. Во время переговоров с Баусом (английским послом. - Г.М.) 13 декабря 1583 г. царь указал послу на то, что он жалуется де Балле потому, что тот привозил много "узорочных" товаров, которые "к его царской казне пригодились". Сняв перстень со своей руки и указывая на большой изумруд в запоне своего колпака, государь прибавил: "во се перстень вывез Иван Белобород (де Балле), а дали за него 60 рублей, а аглинские гости николи таких товаров не приваживали"»⁴.

Потребность русского государства в серебре была с большой полнотой учте

1. Трапеза герцога Бургундского. Миниатюра. XV в.

Но в практике посольских подношений. Дипломатические дары московским государям из стран Западной Европы, поток которых стал нарастать с конца XV в., составлялись из весьма разнообразных предметов, но совершенно очевидно, что приоритетное место среди них с XVI в. постепенно заняли произведения мастеров золотого и серебряного дела. Это отмечают исследователи, об этом свидетельствуют документы. Так, английский дипломат Джером Горсей в 1581 г. «привез подарки, состоящие главным образом из серебряной посуды, которую несли ко дворцу 30 слуг»⁵. Другим примером даров подобного же состава может служить «Роспись поминков, что бьет челом г. ц. и. в. князю Борису Федоровичу... англиченин Иванов Черей (1598 г. - Г.М.): кубок золочен, вышину аршин, два поменьше того кубки, два рукомойника серебряны позолочены, сосуд для вин россеребрен, позолочен, сосуд кован, серебрян, позолочен, судок - раковина жемчужна, серебром обложена»⁶. Известно, что масса этих европейских изделий вошла ценнейшим ядром коллекцию западноевропейского художественного серебра Оружейной палаты⁷. Однако, посольские дары были хотя и важным, но не единственным источником поступления интересующих нас предметов в русскую государственную казну, Другое, исключительно значимое русло - все возраставшие в XVI в. прямые задатки⁸ изделий зарубежных серебряников, о которых уже тогда свидетели писали: «все золото и серебро, которое путем торговли входит в Россию, не только в ней тается, но и почти все сосредотачивается в руках царя»⁹. Уместно добавить - и о семье, то есть в отдельных «казнах» цариц, царевичей и царевен; на приобретения для членов семьи выделялись особые деньги, как явствует, например, из

2. Пир в Александровой слободе. Гравюра. 1575

примечания к одному из кубков в «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича»: «куплен на царевичевы деловые деньги»¹⁰.

Сохранились различные исторические свидетельства о богатстве русского двора последней четверти XVI в. Видное место среди них принадлежит повествованиям иностранцев, лично переживших ошеломляющее впечатление от огромного множества серебряной (и серебряной позолоченной, которую нередко называли золотой) посуды, увиденной в царских палатах во время торжественных приемов и угощений. Из описаний следует, что использовалась по-разному утварь отечественного и иноземного происхождения. Прямому функциональному назначению служила в массе только русская посуда, то есть трапезные столы накрывали, ели и пили, используя блюда, тарелки, всевозможные сосуды собственных национальных форм; декоративно-репрезентативную же роль исполняли предметы и русские, и, в подавляющем большинстве, иностранные. Вот что по этому поводу можно прочесть у одного из авторов: «... весьма много золотых блюд, бокалов разной величины и несметное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о количестве оной можно судить из следующего примера: когда Борис Федорович по восшествии на престол собрал войско в Серпухове, дан был пир, который продолжался целых шесть недель, и каждый день угощали на серебряной посуде под шатрами десять тысяч человек... Вся эта посуда русской работы. Кроме того есть множество серебряной утвари немецкой, английской, польской, поднесенной царю иноземными послами или купленной за редкость изделия»¹¹.

Существует мнение, что «первое описание использования сокровищ казенного двора в придворном церемониале, в частности в оформлении приема послов, относится ко времени Василия III», то есть к 1505-1530 гг.¹² Г.Л. Малицкий при этом отмечает, что «применение драгоценной посуды как декоративного украшения, несомненно, имело определенную политическую цель... Это было принято и в других феодальных государствах (ил. 1). Но в Москве показ сокровищ отличался особой пышностью»¹³.

Итак, происходила демонстрация эстетизированной части сокровищ. Для обозрения предъявлялись новые редкостные, необычные, отмеченные совершенством исполнения предметы и при этом внимание сосредотачивалось на иностранном серебре. Это вызывало развитие соответствующего способа и одновременно художественного приема показа массы иноземных серебряных предметов, и в результате весьма значительную роль в декорации древнерусского парадного интерьера стали играть поставцы - открытые ступенчатые полки, сплошь заставленные изделиями златокузнецов - разнообразной, богатой и причудливой посудой¹⁴.

На гравюре с изображением пира Ивана Грозного в Александровой слободе же можно видеть значительный, четырехступенчатый поставец со множеством блюд и чаш (ил. 2). А из «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича» явствует, что в «большом поставце» ступеней-рядов было пять; так, среди описали наиболее примечательных сосудов встречаем: «в пятом ряду... третье судно фляшкою...»¹⁵.

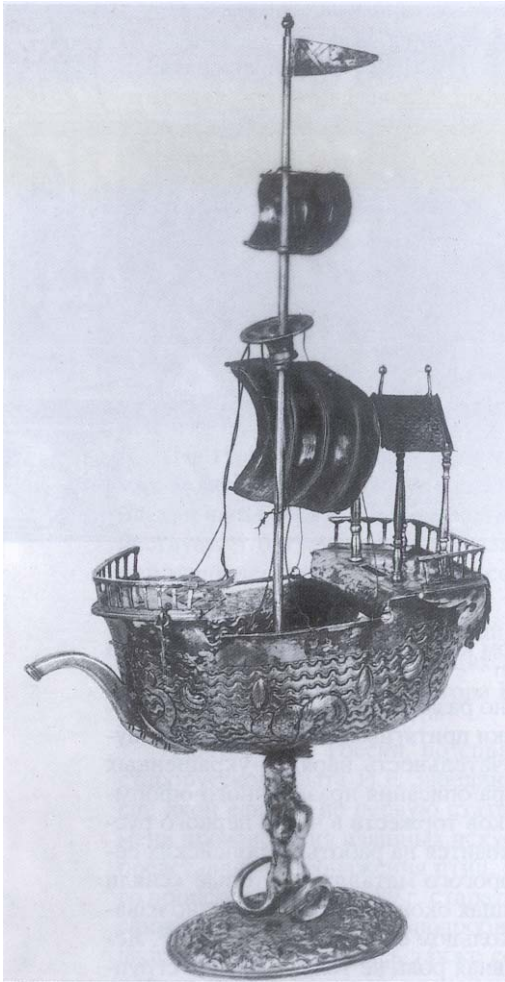
Возможно, пятиступенчатый поставец наиболее характерен для этого времени. Именно пять возвышающихся рядов двойных кубков и фляг изображены на миниатюре «Банкет императора Рудольфа II по случаю возложения на него ордена «Золотого руна» (ил. 3)¹⁶.

Посуда же в России, по справедливому замечанию исследователя и знатока старорусского быта И.Е.Забелина, «большой частью серебряная, составляла после икон едва ли не первую статью комнатного убранства, заменяя для того времени произведения изящных искусств»¹⁷. И «очень любили такую посуду, которая представляла изображения птиц, зверей, людей»¹⁸. Как раз эти формы иноземного происхождения в 1589 г. старательно перечислены Елассонским епископом Арсением в одном из самых подробных описаний парадного поставца в кремлевском дворце: «Там находились также сосуды, которые имели подобию львов, медведей, волков, быков, лошадей, оленей и зайцев, а один представлял вид единорога с длинным копьём на лбу. Далее там были петухи, павлины с золотыми крыльями, аисты, журавли, утки, гуси и большие пеликаны, много страусов - больших и малых, голубей, куропаток... Находился там даже охотник в положении готового стрелять и был так живо представлен, что нельзя было им довольно налюбоваться. Вообще число чаш и сосудов... было огромно»¹⁹. Примечательно, что автор приведенного описания воспринял явление целостно и отметил его художественную сторону, подчеркнув удачную расстановку предметов на поставце словами - «в прекрасной последовательности и соразмерности»²⁰. Замечание об умелой аранжировке и рациональной композиции серебра на поставцах содержится также в описании цесарского посла Николая Варкоча, бывшего во дворце на отпускном обеде 9 ноября 1593 г. Указав, что «широкие столы, возвышенные на три ступеньки... были уставлены несказанным множеством серебряной и золотой посуды», Варкоч далее сообщает об особенностях ее расстановки, подчеркивая, что на нижних полках стоял

3. Банкет императора Рудольфа II. Миниатюра. 1585

также серебряный лев в настоящую величину»²¹. Из описаний явствует, что умело и эффектно размещались в интерьерах и отдельно стоящие предметы, которые магнетически притягивали взоры присутствующих и запоминались, как особая достопримечательность нарядно украшенных помещений. Значительная доля восторгов автора описания праздничного оформления Золотой Царицыной палаты, где участников торжеств в честь первого русского патриарха принимала царица Ирина, приходится на работы европейских серебряников - те «изваяния птиц и зверей из дорогого металла», которые «сияли вокруг всей храмины», находились у стен и в нишах окон; замечен и искусно изваянный лев под сводом зала, державший в пасти кольцом свернувшуюся змею²². Ясно, что на Руси учитывалась активная декоративная роль не только массой сгруппированных серебряных изделий, но и отдельно помещенных экземпляров, эффектных не примелькавшейся новизной, необычностью облика. Об этом же писали И.Е.Забелин: «Кроме посуды в поставцах, шкафах или на вислых полках можно было встретить не мало и разных вещиц, которые... составляли своего рода редкость». И эта «охота к редкостям и драгоценностям, к разным узорочным и хитрым изделиям и курьезным вещицам была распространена не только во дворце, но и вообще между знатными и богатыми людьми того века»²³. Последнее замечание можно рассматривать, с одной стороны, как свидетельствующее об определенном расширении сферы употребления иностранного художественного серебра, с другой - как проявление в древнерусском обществе индивидуальных устремлений придать жизни художественную окраску. «Страстное желание облечь жизнь в прекрасные формы», характеризующее, по выражению известного историка культуры Йохана Хейзинги, «осень средневековья» в Западной Европе²⁴, адекватно на Руси тому явлению, о котором писал М.В.Алпатов: «В XVI веке пошатнулся тот

4. Кубок-корабль. Нюнберг, после 1587. Музей «Московский Кремль»

средневековый взгляд на мир, как на "юдоль печали" и "царство греха", который был распространен на Руси уже несколько столетий. Вопросы устройства земной жизни человека стали привлекать к себе всеобщее внимание»

В массе декоративного европейского серебра в Москве XVI в. преобладающими, конечно же, были кубки. Исследователями подчеркивается исключительное их значение и для Европы того же времени. Так Хильдегард Хоос пишет: «Роль кубка упрочивалась по мере утверждения все большего значения поставцов в качестве основной составляющей придворного и патрицианского убранства»²⁶. Эту же главенствующую роль среди всей иноземной серебряной художественной продукции кубок сохранял и на Руси. Подтверждением служит несомненное количественное превосходство его над всеми другими видами изделий в описаниях поставцов, в описях казны всякого рода, в перечнях привозных товаров, среди поднесенных дипломатических подарков и челобитий (например, в описи казны Бориса Федоровича Годунова 1588 г. среди «судов серебряных» перечислены 25 (!) кубков, тогда как предметов другого вида названо по одному, два, три)²⁷

Необходимо обратить внимание на то, что «иностранец» приобретает в эту пору гораздо больший утилитарный смысл, возрастает его прямое функциональное применение. Это видно уже из того, что в пиршественном зале в конце века кубок присутствует не только среди неприкосновенных «выставочных» образцов на поставце, но и упоминается как сосуд, употребляемый для питья. Среди драгоценной посуды царя Федора в 1590-91 гг. названы четыре кубка для вина «про государя» и тринадцать - «на вина на подачу в столы»²⁸. Пример непринужденного преодоления неприятия чужой сложной формы и одновременно свободного включения немецкого кубка в русский посольский ритм можно видеть в

поступке Бориса Годунова, который на прощальном приеме, данном царскому послу Николаю Варкочу в 1593 г., велел принести себе драгоценный сосуд в виде корабля и сказал: «Ты поедешь на корабле, а потому из корабля пью твое здоровье и прошу бога даровать тебе счастливого странствия»²⁹. И здесь, на мой взгляд, вовсе не следует вспоминать, что «ковш по форме напоминает ладью» (как это делает современный автор книги «Как в посольских обычаях ведется...»), и предполагать, что Борис потребовал русский ковш и пил из него³⁰. Из ковшей на Руси исстари пили меды, вино же - из чаши или кубка. Несомненно, Борису подали кубок-корабль, форма которого была известна в Европе благодаря работам, в первую очередь, немецких, особенно нюрнбергских серебряников. Обладала подобными редкостями и кремлевская казна; некоторое количество кубков-кораблей конца XVI - начала XVII в. нюрнбергской работы хранится ныне в Оружейной палате Московского Кремля (ил. 4)³¹.

В документах XVI столетия зафиксирована особая роль кубка как сосуда, выделяемого среди прочих и используемого в качестве исключительно ценного подарка, челобитья, почетной награды, пожалования, вклада. Самый «полномочный» представитель иностранного художественного серебра в русском обществе того времени употреблялся, таким образом, достаточно широко, и в этом отношении интересны примечания к описаниям некоторых из 25 кубков в упомянутой выше Описи казны Бориса Федоровича Годунова 1588 года: «...кубок №2 поднесен государыне; № 10 - послан к шаху кизылбашскому; № 16 отдан Дмитрию Ивановичу Годунову; № 17 отдан жене Дмитрия Ивановича; № 18 отослан митрополиту терновскому Дионисию; № 19 - патриарху цареградскому Еремею; № 24 отдан князю Ивану Михайловичу Глинскому; № 25 - патриарху Иову». Характерно, что в перечнях подарков и пожалований кубок обычно называется ранее других предметов, чем, несомненно, подчеркивалась его особая значимость. Так кубком начинается перечень подарков царя Федора Ивановича константинопольскому патриарху Иеремии в 1589 г. («Государь тебе дарит большой позолоченный кубок искусной работы...»)³². Ценнейшим подарком был кубок в подношениях «ближнего боярина» Бориса Годунова первому русскому патриарху Иову в 1589 г. (кубок хранился в Патриаршей ризнице в Кремле; в 1920 г. поступил в Оружейную палату; ил. 5)³³.

В обычае было царское «жалование» кубком, распространявшееся на разных лиц. То государь жаловал «тем кубком царевича (как жил царевич Федор с братом на взрубе)»³⁴; то по взятии Казани награждал митрополита, бояр и служилых людей «шубами и купками без числа»³⁵. В качестве военной награды кубки фигурировали как возмещение за «осадное сидение», за «полон и ранение».

Наконец, можно отметить проникновение дорогой иностранной вещи в церковный религиозный быт. В приходо-расходной книге Чудова монастыря XVI в. можно прочесть о ценном вкладе: «... князь Иван Петрович Шуйский по семье своей по княгине Марье, кубок серебрян пупчат двойчат позолочен (дал)»³⁶. Неоднократно встречаются подобные записи во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря; это и вклад царя Ивана Васильевича 1574/1575 года - «кубец серебрян, позолочен, поддонок чеканной»³⁷, и «государыни старицы Марфы Володимеровны <...> кубец серебрян золочен, двойной, лощатой, с личинками»³⁸, и владык ростовских, в том числе ранняя запись - «1538-го году октября в 19 день архиепископ же Кирил дал вкладу кубок серебрян желобчат»³⁹.

Но, по-видимому, не только кубки и, должно быть, не единственно в качестве вклада попадали иностранные серебряные вещи в русские церкви и монастыри. По этому поводу в 1920-х годах исследователь и тогдашний главный хранитель Оружейной палаты Д.Д. Иванов писал: «Оказывается, западная церковная утварь ввозилась в Россию XVI века в огромном количестве... . Причина такого ввоза

очень понятна. Реформация обусловила в Северной Европе массовое уничтожение предметов культа. Как отражение Реформации, возник экспорт таких предметов, чтобы выручить за них хоть что-нибудь против цены металла. И напор этого ввоза

5. Кубок. Нюнберг, около 1520. Музей «Московский Кремль»

был так значителен, а соблазн приобрести ценную вещь задешево был так велик, что временами даже Древняя Русь не в состоянии была противиться искушению, и, вероятно, таким образом иностранные церковные предметы просочились во множестве случаев в толщу древнего русского быта⁴⁰. Далее автор приводит свидетельство немца Генриха Штадена из его записок «О Москве Ивана Грозного»: «Сюда голландцы и антверпенские (торговые люди) привезли несколько сот колоколов, которые были взяты из монастырей и церквей, и всякого рода церковные украшения - венчики, светильники от алтарей, медные решетки с хор, церковные облачения, кадилницы и многое множество подобных вещей»⁴¹. Очевидно, предметов церковного обихода западноевропейского происхождения в XVI в. на Руси действительно появилось немало. Можно предположить, что часть из них нашла применение по прямому предназначению в убранстве церковных интерьеров. И ныне в кремлевских церквях, например, висят старинные паникадила голландской и немецкой работы⁴². И хотя относятся они почти исключительно к XVII в., позволительно, с оглядкой на вышеприведенное мнение, видеть в их употреблении некую ранее сложившуюся традицию. В отношении же другой части культовых предметов уместна осторожность при определении характера их использования на новой родине. Могли ли названные Д.Д. Ивановым в цитированной статье серебряная крышка переплета Евангелия 1522 г.,

миниатюрный серебряный позолоченный алтарик-кладень 1566 г. из Германии и, не упомянутое автором, но также хранящееся в Оружейной палате, серебряное антверпенское кадило - второй половины XVI в. найти себе непосредственное употребление? Документальных свидетельств нет. Сошлемся на замечание самого Д.Д. Иванова об отрицательном отношении на Руси к западному христианству, о том, что «как обычное правило Москва даже не хотела узнавать священные изображения в произведениях Запада»⁴³. Никогда святой Георгий-змееборец не назывался в русских описях своим именем. Например, в украшении драгоценных золотых запон-плащей имущества царя Ивана Васильевича он зафиксирован так: «...плащ золот репьеват с пупышем... на нем человек на коне колет змея в главу»⁴⁴. Святая Екатерина с орудием святых мучений (частью колеса) в стояне кубка описана как «дева в одежде, позолочена, возле ее пол колеса по спицам»

6. «Царское место» Ивана Грозного. XVI в. Успенский собор Московского Кремля. Деталь сени.

Адам и Ева – фигуры в ножке другого кубка - «у древа два человека литых наги, женск пол подает мужску полу яблоки»; наконец, не были опознаны евангелисты в рельефе на одном из сосудов: они описаны как «люди чеканные с книгами»⁴⁵. Впрочем, это примеры описаний религиозных изображений на светских предметах, что, быть может, оказало известное влияние на выбор выражений. Хотя в отношении русских современников к западным вещам не обходилось и без определенной доли фарисейства. Описан факт, когда Иван Грозный не принял поднесенные ему послами от датского короля Кристиана III в 1559 г. украшенные западными изображениями «часы прекрасной работы», потому что ему как христианскому царю, верующему в Бога, «нечего делать с планетами и знаками»⁴⁶.

В целом, можно констатировать, что в XVI столетии в верхах русского общества скопилось весьма значительное количество западноевропейского художественного серебра, которое получило заметное обращение в официальной государственной жизни и парадном быту.

Это не могло не сказаться тем или иным образом на вкусах, на художественной практике на Руси той эпохи. Не случайно в XVI в., как справедливо отметила в своей работе О.И. Подобедова, на миниатюрах русских исторических рукописей довольно часто встречаются изображения западноевропейских сосудов⁴⁷. В подавляющем большинстве изображались буклированные кубки, поверхности которых сплошь расчеканены выпуклостями - буклями (нем. Buckel), или «пупышами» (на языке русских описей XVI в.)⁴⁸. Такие «пупчатые» и «пупышеватые» сосуды запечатлены, например, в лицевых летописных сводах XVI в. на миниатюрах «Михаил Ярославович Тверской в Орде подносит дары хану»⁴⁹ и «Свадебная трапеза»⁵⁰.

Однако едва ли не самым замечательным памятником европейскому кубку на Руси XVI столетия являются объемные резные деревянные буклированные вазообразные сосуды, украшающие как готические фиалы сень знаменитого «царского места» Ивана Грозного в Успенском соборе Московского Кремля (ил. 6). В кремлевских музеях это единственный вещественный пример кубка XVI в. русской работы по западному образцу, хотя мы и встречаемся здесь с переводом серебряного сосуда в совершенно другой материал (дерево) и употреблением этой реплики в абсолютно русской декоративной схеме (рядом с кокошниками с барельефной и сквозной резьбой и объемно трактованными резными цветами)⁵¹.

Считается, что русские мастера серебряного и золотого дела вплоть до XVII в. не изготовляли кубков⁵². Вместе с тем они успешно пользовались весьма эффектным в чеканке драгоценной посуды приемом буклирования, интернациональным в Европе с XV в., но получившим на русской почве новый самостоятельный характер обработки поверхностей металлических изделий чеканными ложками⁵³.

Русских ложчатых сосудов XVI в. в музейных собраниях чрезвычайно мало. Среди них выделяется шедевр древнерусского золотого дела - хранящееся в Оружейной палате золотое блюдо Марии Темрюковны 1561г.⁵⁴ Его украшают крупные, спирально закрученные чеканные ложки на дне. Для нашей темы существенно еще и то, что в черневой узор на борте блюда включены мотивы европейского ренессансного орнамента. Свобода и творческая самостоятельность претворения в декоре этой вещи иностранных орнаментальных элементов вкупе с красотой рисунка и элегантностью исполнения в целом выдают руку блестящего отечественного мастера. Одновременно они являются показателем и мерилем взаимодействия русской художественной практики с чужеземными образцами в XVI в. И, значит, свидетельством распространенности этого «образца», понимаемого в самом широком смысле и включающего в свой ряд такое явление, как широкое употребление европейского художественного серебра в жизни Московской Руси этого столетия

¹ «... Пояс золот фрязьский с жемчугом с камнем...» (Духовная грамота великого князя Ивана Да-иловича Калиты // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв. М.; Л., 350. С. 8).

² См.: Описание домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов // Временник ОИДР. М., 1850. Кн. 7. «Смесь», с. 17, 18, 27, 32, 36 и др.

³ Памятники дипломатических сношений московского государства с Англией. Т. 2 (с 1581 по 1604) Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38. С. 250.

⁴ Кордт В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидершдов до 1631 г. // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 116. .IXIV

⁵ Тройницкий С. Н. Английское серебро. Пг., 1923.

⁶ Памятники дипломатических сношений московского государства с Англией. Т. 2. С. 259.

⁷ Часть коллекции - более тысячи экземпляров - представлена в постоянной экспозиции Оружейной палаты и занимает зал площадью 450 м², размещена в 13 витринах, в пяти из которых демонстрируется серебро из историко-художественных комплексов посольских даров XVI-XVII вв. из Англии, Голландии, Швеции, Дании, Польши.

⁸Определение «прямые» в данном случае подчеркивает смысл непосредственного приобретения из рук продающего в противоположность посольскому дарению, которое по сути дела тоже являлось оплаченным приобретением, так как в обязательные ответные дары закладывалась равная, а то и превосходящая стоимость.

⁹Свидетельство Рафаелло Барберино, 1565 г. (см.: Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. С. 152).

¹⁰Временник ОИДР. Кн. 7. «Смесь». С. 41. Приоритет государя в приобретении привозных товаров еще точнее определял посол к Василию III Сигизмунд Герберштейн, который писал: «Всякий, кто привезет в Москву какие бы то ни было товары, должен немедленно объявить их и обозначить у сборщиков пошлин (или таможенных начальников). Те в назначенный час осматривают товары и оценивают их; после оценки никто не смеет ни продать, ни купить их, пока о них не будет доложено государю. Если государь пожелает что-нибудь купить, то купцу до тех пор не дозволяется ни показывать товары, ни предлагать их кому-либо» (Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 125,126).

¹¹Сказания современников о Дмитриии самозванце. Часть III. Записки Маржерета и президента де Ту. Спб., 1832. С. 49.

¹²Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля // Государственная Оружейная палата Московского Кремля: Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты. М., 1954. С. 513. Имеется в виду самое раннее (из дошедших до нас) описание горки с драгоценными кубками в «Записках» Герберштейна: «Посредине зала стоял поставец, заставленный различными золотыми и серебряными (кубками)» (Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С.216). С.Н.Тройницкий также считает это описание самым ранним сохранившимся свидетельством употребления драгоценной посуды для украшения официальной церемонии.

¹²Малицкий Г. Л. К истории Оружейной палаты Московского Кремля. С. 513.

¹⁴Появление и развитие поставца в феодальном обществе Запада и России происходит примерно одновременно и до конца XVII в. примерно в аналогичных формах. Зарождение его, пожалуй, справедливо видеть в том столе-шкафе, который в готическую эпоху в европейских странах получил название кретенца - от латинского *credo* (верую). За створками кретенца хранилась, а во время трапезы появлялась на его внешней полке (столешнице) и готовилась к подаче, особая «доверенная» посуда, находившаяся на попечении специально назначаемого для этого лица. Боязнь злоумышления, отравы заставляла прятать и оберегать предметы, которыми пользовался господин; слуге надлежало отвесть пищу и испробовать глоток жидкости при передаче кушанья и питья в «высокие» руки. Отсюда особое приближенное положение и высокая значимость придворной должности кравчего. Из кретенца же бралась дорогая и красивая посуда для угощения почетного гостя. Постепенно ее накапливалось в кретенце все больше, престижной становился ее показ. В парадных русских покоях появились открытые столы и ступенчатые полки со множеством кубков, стоп, кувшинов, блюд, фляг - поставцы.

¹⁵Временник ОИДР. Кн. 7. «Смесь», с. 41.

¹⁶Миниатюра опубликована в кн.: *Prag um 1600: Kunst und Kultur am Hofe Rudolfs II. Essen, 1988. Kat.8. Abb.2.*

¹⁷Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1872. 4.1. С.197.

¹⁸Там же. С.199.

¹⁹Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. С.247.

²⁰Там же.

²¹Там же. С.262.

²²Там же. С.248.

²³Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. 4.1. С.199.

²⁴Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С.42.

²⁵Алпатов М. В. Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII века // Всеобщая история искусств. М., 1955. Т.3. С.250.

²⁶Hoos Hildegard. Neugotik in der Nurnberger Goldschmiedekunst um 1600 // *St'adel-Jahrbuch. Munchen, 1983. Neue Folge. Bd. 9. S.117.*

- ²⁷ См.: Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584-1725. М., 1877. Вып. 1. С. 7.
- ²⁸ См.: Временник ОИДР. Кн. 7. «Смесь», с. 43.
- ²⁹ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их чинений. С. 260.
- ³⁰ См.: Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. С. 127.
- ³¹ Музей «Московский Кремль», инв. № МЗ-284, см. также: Маркова Г. А. Немецкое художественное серебро XVI-XVIII веков. М., 1975. С. 41; Она же. Нюрнбергское серебро в Оружейной палате Московского Кремля: Каталог // Музей 1. М., 1980. С. 93. Кат. 73; Музей 2. М., 1981. Кат. 146, J7-174.
- ³² Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. С. 248.
- ³³ Музей «Московский Кремль», инв. № МЗ-298/1-2 (см.: Маркова Г. А. Нюрнбергское серебро в Оружейной палате Московского Кремля: Каталог // Музей 1. С. 100).
- ³⁴ Временник ОИДР. Кн. 7. «Смесь», с. 40.
- ³⁵ Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 73.
- ³⁶ РГАДА, ф. 196, д. 273, л. 38об.
- ³⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 27.
- ³⁸ Там же. С. 30.
- ³⁹ Там же. С. 38.
- ⁴⁰ Иванов Д. Д. Германское искусство эпохи Возрождения в быте Древней Руси // Сборник Оружейной палаты. М., 1925. С. 91.
- ⁴¹ Там же. С. 92.
- ⁴² Голландские паникадила, например, висят в Успенском соборе Московского Кремля. Наиболее значительные по своим художественным достоинствам паникадила немецкой работы находятся в темных церквях - в церкви Спаса за золотой решеткой и в церкви Воскресения Словущего в комплексе Большого Кремлевского дворца.
- ⁴³ Иванов Д. Д. Германское искусство эпохи Возрождения в быте Древней Руси С.90.
- ⁴⁴ Временник ОИДР. Кн.7. «Смесь», с.37.
- ⁴⁵ Иванов Д. Д. Германское искусство эпохи Возрождения в быте Древней Руси. С. 90, 91.
- ⁴⁶ Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. С. 144.
- ⁴⁷ См.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 273.
- ⁴⁸ «В четвертом ряду средней кубок двойчат серебрян золочен и внутрь пупышеват, на обеих полонах по осми пупышей..., а около пупышей чеканены ложечки гладки прямые...» (Временник ОИДР. I. 7. «Смесь», с. 41).
- ⁴⁹ Рисунок Ш из Древнего Летописца, т. 2 воспроизведен в кн.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. С. 273.
- ⁵⁰ См.: Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. 4.1. С. 219.
- ⁵¹ В характеристике Моленного места в Успенском соборе Московского Кремля, выполненного в 51г. для Ивана Грозного, разбираемые элементы названы «чисто декоративными формами точеных вазочек». Отмечено, что «общее художественное решение верха моленного места носит самобытный тональный характер» (Бибикова И. М. Монументально-декоративная резьба по дереву //Русское декоративное искусство. М., 1962. Т.1. С. 77).
- ⁵² См. также относящееся к началу XVI в. любопытное свидетельство о том, что в Калуге изготовлены «искусно вырезанные деревянные кубки и другие вещи из дерева» и вывозили не только в Москву, даже за границу (Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. С. 108).
- ⁵³ Самым ранним примером русского ложчатого серебряного сосуда является хранящийся в Оружейной палате небольшой ковш новгородского митрополита Ионы XV в. (инв. № МР-3317).
- ⁵⁴ Музей «Московский Кремль», инв. № МР-1188.